

07.11.2018, 13:17 Вологодская область

свой опыт

Сдайте слюну: рассказ анархиста из Вологды, которого полгода вызывают на беседы

Житель Вологды Н. рассказал о том, как его, его родителей и друзей с мая вызывают на беседы оперативники центра «Э», пытаются выяснить, кто занимается анархистской агитацией в городе. В том числе Н. предлагали сдать образец слюны, а одного его знакомого настолько напугали, что он собирался подарить оперативникам дачу.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Мною интересуются из-за прошлого, так как я был вовлечен в анархистские круги. Определенные взгляды у меня сохранились, но я давно не участвовал ни в чем. На меня заводили дело, но до суда оно не дошло. Меня стали искать через родителей.

После вторых майских праздников я был на работе, мне позвонил отец. В званиях он особо не разбирается, сказал, что ему и маме звонил оперуполномоченный, ищут меня. Я спрашиваю отца:

— В чем проблема?

— Нам не рассказали, хотят с тобой побеседовать.

Я понимаю, что беседа юридически не является чем-то веским, ну и я не сделал ничего — мне не за что переживать. Решил: ладно, встретимся. Это была ошибка. Позже я приехал к родителям, и мать рассказала, что к ней приходил на работу [оперативник], как я потом понял, из отдела «Э». Оперативник показал корочку, представился. Зовут его Егор Соколов.

Соколов говорил моей матери, что мне может быть плохо, что «я на грани», со мной может что-то плохое случиться, если я с ним не побеседую. Попросился к нам в гости. Мать, не подумав, согласилась.

Это было 11 или 12 мая. Вечером он пришел к нам домой, стал со мной разговаривать, выяснял про мой образ жизни. Я спросил его:

— Зачем интересуетесь? Есть какие-то веские причины?

Он ответил, что [причины] есть: в городе кто-то развешивает какие-то флаги. Я ответил, что понятия об этом не имею. Я так понял, флаги какой-то анархистской направленности. Говорили мы недолго, минут 15–20. Под конец он сказал:

— Значит, диалога не получится?

— Почему, мы же разговариваем?

Он ушел. Затем стали дергать людей, с которыми я когда-то очень давно общался, а сейчас уже не общаюсь. Их расспрашивали про меня. Я был удивлен, но подумал: может быть, это их работа.

Потом я ездил с матушкой в другой город, 20 июля. Когда мы были в поезде, ей снова позвонил оперативник Егор и сказал, что хочет встречи с ней. Я сказал ей, чтобы она не велась: если бы что-то действительно было, у меня были бы действительно серьезные проблемы. Ну и мне уже 23 года, в любом случае ответственность за свои поступки несу я сам. Она ответила, что эти оперативники такие мерзкие, что ей самой не хочется с ними иметь дел.

Когда маме снова позвонили, она сказала, что у нее нет на них времени. Она медицинский работник, и они приехали к ней в больницу. Стали говорить, что у меня серьезные проблемы, выяснять, с кем я общаюсь. Затем сунули ей повестку для меня в отдел «Э».

Я туда пришел. Меня встретили двое сотрудников. Я попытался записать наш разговор, но не получилось: андроид подвел. Теперь речь уже шла не о флагах, а о каких-то баннерах. Я поинтересовался, что за баннеры, рекламные? Мне ответили, что нет: с политическими речами. Мне описали это очень размыто. Рассказали, из чего сделаны баннеры, что закрепляют их скотчем.

Баннеров было несколько, появлялись в ночное время. Они это протоколили в компьютер, спрашивали меня попеременно. Пытались пугать, говорили, что у них есть информаторы, что якобы 15 человек на меня показали. Говорили, что есть видео, как я эти баннеры вешаю. Я говорю:

— Покажите мне эти видео!

Сказали, не могут показать.

Я им рассказывал, чем занимаюсь: работа, дом, спорт. Кульминацией беседы стало то, что один из оперативников ушел в другую комнату, принес в конвертике пробирку с ватной палочкой, и сказал:

— Мы с вами поговорили, теперь сдайте слюну.

Я подумал и не стал сдавать. Разговор длился примерно час. Я спросил:

— Я могу идти?

— Да, можешь, но мы тебя еще частенько будем вызывать.

Параллельно стали дергать людей, которые меня знают. Например, вызвали моего старого знакомого, с которым я сейчас не общаюсь. Его так запугали, что он предложил оперативникам подарить дачу: он риэлтором работает.

31 октября опять вызвали родителей. Матери они уже неохотно звонят. Она сказала им:

— Отстаньте, наконец, от нас, успокойтесь.

Ей ответили:

— Мы отстанем тогда, когда ваш сын успокоится.

Отец меня не послушался, пошел к ним. Поводом был взрыв в Архангельске, но ему показывали какие-то фотографии, на которых некий человек клеит какие-то

листовки против власти. Мой отец убеждал их, что на этих фотографиях — не я. Отца запугивали, говорили, что я — ярый приверженец анархизма. Эшники говорили, что я им неинтересен, что мною теперь занимается «кто-то повыше»: наверное, из ФСБ. Говорили, что из-за Архангельска мне тоже может быть очень плохо. Что я могу тоже что-то взорвать. Говорили, что я знаю тех, кто клеит листовки в Вологде.

Одна беседа эшников со мной — это было бы еще нормально. Но у них уже вошло в привычку дергать меня, родителей, людей, с которыми я когда-то общался.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

07.09.2025 Вологодская область

В Вологде из-за давления на организатора отменили митинг в защиту облика города